

ТЕКСТ. КОНТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ.

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-121-130

Е. Н. Проскурина¹

Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

ПУШКИНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РАССКАЗЕ Б. ВОЛКОВА «СТЕПНОЙ ВОРОН»²

В статье анализируется рассказ забытого писателя восточной эмиграции Б. Н. Волкова «Степной ворон» в диалоге с произведениями А. С. Пушкина. Задача статьи состоит в том, чтобы показать стилистические приемы, сюжетные элементы, художественные детали, подтексты рассказа, дающие повод увидеть в нем аллюзии на пушкинские произведения. К исследованию привлечены «Путешествие в Арзрум», дневниковые заметки Пушкина и стихотворное послание «Калмычке». Показан оригинальный подход Волкова к пушкинским текстам. В стилистическом отношении рассказ Волкова соотносится с прозой Пушкина лаконизмом повествовательной речи, простотой, ясностью и точностью изображаемых событий. На уровне подтекста Волков обыгрывает образ Цирцеи, номинативно вынесенный Пушкиным в текст калмыцкого эпизода в «Путешествии в Арзрум». Однако поведение пушкинской юной калмычки мало напоминает этот архетипический образ богини-соблазнительницы. В рассказе Волкова, наоборот, образ юной красавицы-монголки гораздо отчетливее наделен чертами Цирцеи. Модель ее поведения в отношении к герою-путешественнику соответствует обычаю гостеприимного гетеризма, входящему в традицию полудивилизованных народов.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Б. Н. Волков, межтекстовый диалог, литература восточной эмиграции, инонациональный сюжет русской литературы.

E. N. Proskurina

Institute of Philology SB RAS Novosibirsk, Russian Federation

PUSHKIN'S ALLUSIONS IN B. VOLKOV'S STORY «STEPPE RAVEN»

The article analyzes the story of the forgotten writer of Eastern emigration B. N. Volkov «Steppe Raven» in dialogue with the works of A. Pushkin. The goal of the article is to show the stylistic devices, plot elements, artistic details, subtexts of the story, which provide the grounds for finding allusions of Pushkin's works in the story. Pushkin's diary notes, «Journey to Arzrum», and a poetic message to «Kalmychka» are involved in the research. The article shows Volkov's original approach to Pushkin's texts. Stylistically, Volkov's story correlates with Pushkin's prose by the laconicism of the narrative speech, the simplicity, clarity and accuracy of the events depicted. At the level of subtext, Volkov plays up the image of Circe, nominally introduced by Pushkin into the text of

¹ Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИФЛ СО РАН (Новосибирск).

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера». Наша сердечная благодарность И. Ложилову, А. Устинову, В. Виннер за ценнейшие консультации и уточнения.

the Kalmyk episode in his "Journey to Arzrum". However, the behavior of Pushkin's young Kalmyk woman bears little resemblance to this archetypal image of the seductive goddess. In Volkov's story, on the contrary, the image of a young Mongolian beauty is much more distinctly endowed with the features of Circe. The model of her behavior in relation to the hero-traveler corresponds to the custom of hospitable hetaerism being a part of the tradition of half-civilized peoples.

Keywords: A. S. Pushkin, B. N. Volkov, intertextual dialogue, literature of Eastern emigration, international plot of Russian literature.

О рассказе Б. Волкова «Степной Ворон» нам уже приходилось писать [см.: Проскурина, 2019; Проскурина, 2020]. Однако нельзя умолчать об одной пушкинской аллюзии, не отрефлексированной в опубликованных статьях. Но сначала несколько слов об этом несомненно интересном и совершенно забытом авторе восточной эмиграции. В российских библиографических справках о нем даны самые скудные сведения, хотя его биография достойна детального описания. Наиболее объемная справка приведена в антологии «Русская поэзия Китая»:

«Волков Борис Николаевич (17/31.5.1894, Екатеринослав – 9.6.1954, Сан-Франциско). ...Учился на курсах военных санитаров и затем с 10.4.1915 до середины 1917 г. был на фронте. Георгиевский кавалер. В тот же период начал печататься в газетах. В декабре 1917 г. воевал в Белой армии в Иркутске. В 1919 г. после падения правительства Колчака перешел монгольскую границу. Был приговорен Унгерном к смерти, бежал с помощью монголов в Хайлар. Скитался по странам Азии. Побывал в Персии, на арабском Востоке. Жил в Японии и в Китае. Сотрудничал в харбинской газете "Русский голос". В 1923 г. эмигрировал в США. ...Стихи писал еще в России. Его первая известная публикация в США – в альманахе "Дымный след" (1925). В дальнейшем находим его публикации в шанхайском альманахе "Врата", в "Калифорнийском альманахе" (Сан-Франциско), в "Земле Колумба" (Сан-Франциско), "У Золотых Ворот" (Сан-Франциско), в журналах "Рубеж" (Харбин), "Феникс" (Шанхай), "Вольная Сибирь" (Прага), "Москва" (Чикаго), "Asia", "Русские записки" (Париж), "Возрождение" (Париж). В 1929 г. стал американским гражданином. Был женат: в первый раз в Китае – на В. П. Витте; второй раз в США, после развода, на В. В. Townley. В 1934 г. вышла его единственная книга "В пыли чужих дорог"... Волков готовил на английском и на русском издание второй своей книги – автобиографического романа "Царство золотых будд". Известны только отрывки под названием "В стране золотых будд". Написал несколько других романов и повестей, все они не опубликованы. Умер Волков от травм, полученных в автомобильной катастрофе, в которой погибла его жена» [Русская поэзия Китая, 2001, 673–674].

Однако в этой информации оказались допущены досадные неточности. Первой женой Волкова была не В. П. Витте, как указано в приведенном тексте, а Е. П. (Елена Петровна) Витте, дочь барона П. А. Витте – бывшего императорского советника при монгольском правительстве. Уточнение имени нами получено от внучки Б. Волкова Веры Виннер, живущей в Америке. Оно подтверждается и документами Гуверского архива, где есть отдельная папка: «Folder 15. Volkov (Witte), Elena Petrovna» [Partial Register, p. 4]. Также пассаж:

«Известны только отрывки [романа] под названием ”В стране золотых будд”. Написал несколько других романов и повестей, все они не опубликованы», – не имеет под собой достаточных оснований. В журнале «Вольная Сибирь» за 1929 г. роман представлен как выходящий из печати. Здесь приведены «сочувственные отзывы», опубликованные в крупных американских газетах «Окленд трибьюн», «Экзаминар» [см.: Вольная Сибирь, 1929, с. 112]. Однако публикация романа по непонятным причинам так и не состоялась. В этой связи можно с большой вероятностью полагать, что «Царство золотых будд» и «В стране золотых будд» – версии названия одного и того же произведения, текст которого пока не найден. Но известно, что сохранился полный английский вариант романа под заглавием «Conscript to Paradise», подготовленный к печати самим Б. Волковым, хотя также не дошедший до публикации. В описи материалов писателя, находящихся в Гуверовском архиве, указано наличие цифровой версии романа: «A digital version of Boris Volkov’s “Conscript to Paradise.” This version is important because the physical papers only contain partial and messy drafts, whereas this e-version looks to be prepared for publication. DOC is 461 pages» [Partial Register, p. 3].

Авантюрные страницы биографии Волкова относятся к его службе в Белой армии и отражены в его мемуарных сочинениях «Семеновские застенки» и «Об Унгерне (Из записной книжки белогвардейца)» [Подробнее см.: Проскурина, 2020]. В это время Волков служил офицером по особым поручениям в восточном штабе Сибирского правительства, чем были определены его командировки в Восточную Сибирь и Монголию. Членства в Сибирском правительстве, ведшем борьбу против панмонгольского движения Унгерна, было для барона достаточно, чтобы приговорить Волкова к смерти. Чудом избежав расстрела, он бежал из Урги в Хайлар. С этого времени начинается скитальческая жизнь будущего писателя, завершившаяся его эмиграцией в Америку, где он был одним из организаторов Литературно-художественного кружка (Сан-Франциско), просуществовавшего с 1927 по 1957 г. В «Новом историческом вестнике» за 2001 г. в специально посвященном этому объединению обзоре Волков назван «наиболее одаренным поэтом» из всех участников кружка [Новый исторический вестник, 2001].

Любопытную деталь для характеристики личности Б. Волкова приводит исследователь его творчества, автор документального романа о бароне Унгерне «Самодержец пустыни» Л. Юзефович: «в набросках... к автобиографическому роману об этом периоде своей жизни он [Волков] рассказывает следующую историю. В 1921 г. ему предложили место консультанта по экономическим вопросам при Министерстве внутренних дел правительства Богдо-гэгена VIII³. Вопрос о том, годится ли он на эту должность, доверили решить одному монгольскому князю. Он попросил Волкова показать ладони, внимательно их осмотрел, затем так же внимательно, с полминуты, наверное, смотрел ему в глаза, после чего вынес вердикт: “Можно принять его на службу. Он не представляет опасности. Крови на нем нет”».

³ Богдо-гэген VIII – правитель Монголии с 1911 по 1924 г.

Князь не ошибся. Волков еще в 1915 г. со студенческой скамьи ушел на войну, воевал на Западном фронте, на Кавказе и в Персии, за храбрость был награжден Георгиевским крестом, но все три года командовал конно-санитарным отрядом – после боев вывозил раненых и действительно, не убил ни одного немца или турка. Его участие в Гражданской войне тоже, по-видимому, было такого свойства, что убивать ему не приходилось»⁴.

Рассказ «Степной Ворон», о котором далее пойдет речь в нашем исследовании, по всей вероятности, составляет одну из глав романа «Царство золотых будд». Единственная его публикация состоялась в журнале «Русские записки» в 1937 г. (№ 2). На него последовала критическая реакция Вл. Ходасевича в газете «Возрождение», где указывалось на неоригинальность сюжета и «безличность языка» [Возрождение, 1937, с. 9]. Негативное впечатление, которое сложилось у Ходасевича-критика, субъективно.

В рассказе изображен один из переходов героя-повествователя из России в Монголию, биографически соотносящийся со временем службы Волкова в Сибирском правительстве. Об этом можно судить по первым строкам произведения: «Тот, кто бывал в Монголии, знает о прелестных горных лощинах, которые встречаешь неожиданно – ”за поворотом”, подъезжая из степи к лесистым хребтам» [Русские записки, 1937, с. 99]. Сюжет рассказа построен вокруг остановки автобиографического героя в юрте проводника-монгола по прозвищу Степной Ворон:

«Мне очень понравилась юрта, куда я попал. И я думал о том, что, если привыкнешь, нет более приятного дома, чем юрта в лесу или степи.

Мое плечо согривал огонь жаровни. В юрте не было углов – пол ее представлял почти правильный круг. В ней не было стен, потолка, пола наших комнат. Все это заменял войлок (как рождественская игрушка, завернутая в вату).

Фактически не было и мебели. Кроме божницы и жаровни справа я видел лишь один красного лака ящик для одежды, да у двери, по обеим сторонам ее, несложную утварь для сбивания масла, кроме того, если напрячь зрение, можно было увидеть седло, уздечку, капкан, да старинное кремневое ружье» [Там же, с. 106].

Как нам уже приходилось писать, лаконизмом повествовательной речи, простотой, ясностью и точностью изображаемого этот фрагмент близок к языку прозы Пушкина. Описание жилища коррелирует с изображением жилища Самсона Вырина, привлечшим внимание пушкинского повествователя простотой быта, опрятностью, уютом («Станционный смотритель»). Соотносим рассказ Волкова с названной повестью и ситуацией «военные на постое», что предполагает движение сюжета в направлении к любовной интриге. Реализуемый Волковым вариант названного сюжета в соответствии с моделью «цивилизованный герой и дикарка» (см. корпус кавказских произведений русских писателей, в том числе кавказские поэмы Пушкина) строится на антитезе «цивилизация – природа, разум – чувство» [См.: Печерская, Никанорова, 2010, с. 106]. В рассказе Волкова предполагаемая завязка любовной истории намечена введением в сюжет образа юной героини – дочери Степного Ворона с поэтичным именем Мюсень-гюрель:

⁴ См.: <https://www.facebook.com/youzef.l.a> (дата обращения: 27.11.2020).

«У пылающей жаровни необыкновенно красивая дикая девушка в бусах и кольцах пила мелкими глотками водку из чашки и закусывала, хрустя на крепких белых зубах леденцами.

Затем, обняв руками колена, она стала, слегка покачиваясь из стороны в сторону, петь. Девушка полузакрывает глаза. Яркий румянец исчез. Лицо побледнело. Под глазами легли большие черные тени. Горлом она выводила странный мотив» [Русские записки, 1937, с. 106–107].

Песня Мюсень-гюрель сродни песням, слагаемым «на случай». В ней пелось о незнакомом всаднике, которому девушка вынесла напиток кислого молока. Ее окончание словно провоцирует дальнейший ход событий: «И я знала, что буду кричать и биться / Под его сильной рукой / На его седле» [Там же, с. 107]. Степной Ворон так объясняет смысл песни русскому герою: «Правильная песня... Говорит Великий Хан: “Если свободный всадник нагонит в степи свободную девушку и, схватив узду ее коня, заставит слезть ее в траву, – она считается его женой. Дело родителей взыскать калым”...» [Там же].

Дальнейшее движение сюжета показывает его несовпадение с канонической матрицей «цивилизованный герой и дикарка». Вариант «любовь к чужаку» трансформируется здесь в ситуацию гостеприимного гетеризма – обычая, характерного для «получивилизованных народов» (А. ван Геннеп), когда хозяин предлагает гостю свою жену или дочь⁵. Именно такой женой на ночь и готова стать для героя Мюсень-гюрель из послушания отцу [Подробно см.: Проскурина, 2020]. Герой, однако, не оправдывает ожиданий Степного Ворона. Обескураженный неожиданным явлением юной монголки, на ее манящее поведение он отвечает лишь растерянностью:

«Ее удивила моя непонятливость. На своем ломаном языке она старалась разъяснить мне, как ребенку, этот странный обычай степного гостеприимства. Затем движением плеч просто скинула шубу и, обнаженная, поблескивая и смеясь узкими глазами, стала многозначительно расплетать одну черную косу за другой. Наш старинный русский обряд расплетания девичьей косы перед свадьбой промелькнул передо мной... Несомненно, со стороны Степного Ворона это был акт настоящего степного внимания, и я понимал, что это не был вопрос денег: такую девушку нельзя так просто купить... но мне ничего не оставалось как закричать, призывая на помощь старика» [Русские записки, 1937, с. 111].

Таким образом, автор дважды разрушает предполагаемый ход событий: первый раз – в парадигме русской классической литературы, второй – в контексте азиатско-восточной культурной традиции. Эта сюжетная ситуация, составляющая центральную часть рассказа, насыщена пушкинскими аллюзиями, также построенными на антитетических параллелях. Имеется в виду два произведения: «Путешествие в Арзрум» и стихотворение «Калмычке».

⁵ «К категории прямых контактных обрядов следует отнести некоторые сексуальные обряды, такие, как, например, обмен женщинами. Если обряд односторонний, то чужеземцу отдают в пользование женщину (жену, дочь, родственницу, т.е. женщину, имеющую отношение к хозяину или к тому же классу или к тому же племени, что и сам хозяин). Хотя в некоторых случаях цель передачи женщин заключалась в том, чтобы иметь детей от чужеземцев, которых считали более способными к воспроизведению здорового потомства» [Геннеп А. ван, 1999, с. 36]. Случаи гостеприимного гетеризма отмечены в Финикии, Индии, Тибете, Китае, у народов Севера. Приведем свидетельство из книги А. Никитина «Хождение за три моря»: «В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями» [Никитин, 2014, с. 8].

Приведем полностью калмыцкий фрагмент из «Путешествия в Арзрум»:

«На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. ”Как тебя зовут?” – “***”. – ”Сколько тебе лет?” – ”Десять и восемь”. – ”Что ты шьешь?” – ”Портка”. – ”Кому?” – “Себя”. Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи» [Пушкин, 1978, с. 436].

Стихотворение «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка!») написано по впечатлениям посещения «калмыцкой кибитки» в том же 1929 г., что и записи в дневнике Пушкина, который он вел во время своего путешествия. Шесть лет спустя он воспользуется ими при работе над «Путешествием в Арзрум». При сравнении обоих пушкинских текстов отчетливо видна разница в изображении юной калмычки в стихотворении и в микросюжете «Путешествия». Поэтизируя ее образ в стихе⁶, Пушкин одновременно восполняет дефицит информации, наличествующий в прозаической версии:

Прощай, любезная калмычка
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей

<...>

Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса [Пушкин, 1977, с. 112].

Посещение калмыцкой кибитки происходит во время вынужденной короткой остановки: «Пока коней мы запрягали». За эти полчаса интерес проявлен не калмычкой к путешественнику-инородцу, а им самим, увлеченным ее «взором» и «дикой красой». В мизансцене «Путешествия» замечание о «калмыцком кокетстве» «степной Цирцеи» также ничем не мотивировано: юная калмычка занята своим шитьем, а знак гостеприимства она проявляет лишь тем, что предлагает я-повествователю разделить с ней чаепитие, протягивая свой ковшик. Намеком на образ античной богини-соблазнительницы могут служить две детали: как известно из эпоса Гомера, Цирцея-колдунья опоила спутников Одиссея волшебным зельем – калмычка протягивает пушкинскому повествователю свой ковшик, из которого он пьет чай непривычного вкуса, в контексте античного мифа воспринимаемый как колдовское зелье; род занятий

⁶ В данном исследовании мы оставляем в стороне пародийный характер стихотворения, подробно проанализированный М. Шапиром. См.: [Шапир, 2006].

калмычки: шитье – коррелирует с ткацким искусством Цирцеи. Но этот намек реализуется автором в пародийном ключе: юная калмычка шьет для себя портки, тогда как из рук Цирцеи выходит «широкая, прекрасная, божественно тонкая ткань» [Гомер, 1996 с. 532]. Вместе с тем именование пушкинской героини Цирцеей предполагает одиссейство повествователя: эпизод с богиней – один из фрагментов долгого путешествия античного героя. Во владениях Цирцеи Одиссей задерживается на год, тогда как очарования «дикой красой» юной калмычки пушкинскому герою-путешественнику хватает на полчаса. Одна из характеристик Цирцеи – гетеризм. Но в стихотворном послании увлеченность героиней никак не связана с оболыщением, а в дневниковых набросках калмыцкого фрагмента «Путешествия» соблазнителем предстает сам Пушкин, причем, гораздо более активным, чем это представлено в поэтической версии:

«Молодая калмычка, собой очень не дурная, шила куря табак. Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные. ...Я сел подле нее ...Поцалуй меня. – Неможна, стыдно. Голос ее был чрезвычайно приятен... мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусийским орудием подобным нашей балалайке. – Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее» [Пушкин, 1940, с. 1028–1029].

Таким образом, в «Путешествии в Арзрум» Пушкин переворачивает реальную ситуацию, в которой «кокетство» исходило от него самого, а поведение калмычки определено как «калмыцкая любезность». Дневниковый эпизод, отметим в скобках, делает неочевидным замечание Вл. Ходасевича о типичности обычаев предоставления «жен и дочерей гостям» у «диких и полудиких народов» [Возрождение, 1937, с. 9]: поведение «дикой» калмыцкой красавицы вполне целомудренно, вплоть до воинственного отпора «цивилизованному» инородцу. Показательно удаление из итогового текста всех деталей портрета юной героини, занесенных Пушкиным в дневник. Оставлена лишь расплывчатая характеристика: «собой очень недурная». В отличие от проявленного интереса Пушкина-путешественника, отраженного в дневнике и стихотворном послании, соответствующая мизансцена в «Путешествии» построена на принципе отгалкивания: быт обитателей калмыцкой кибитки вызывает у Пушкина как автора-повествователя лишь брезгливость и желание поскорее ее покинуть.

Сравнение рассказа Волкова с калмыцким фрагментом интересно тем, что автор «Степного Ворона» словно намеренно перелицовывает этот пушкинский эпизод, включая и дневниковый его вариант. Трудно сказать определенно, был ли знаком Волков с дневниковыми записями Пушкина, но об интересе к Пушкину можно судить по одной из папок, входящих в опись документов Волкова в Гуверовском архиве, относящейся к юбилейным чествованиям 1937-го г.: «Folder 4. Pushkin, Aleksandr Sergeevich. Includes correspondence and newspaper issues for (100th anniversary of Pushkin's death) 1937» [Partial Register, p. 8]. В любом случае любопытно проследить пушкинский слой в реминисцентном поле рассказа, плотность которого свидетельствует о его неслучайности.

Если в пушкинской калмычке распознать черты Цирцеи можно лишь с большой натяжкой, то монголка в рассказе «Степной Ворон» вполне вписывается в этот архетипический образ, причем с акцентом на гетеризме: кокетливое движение плеч, обнажение своего тела «простым» скидыванием шубы, блеск смеющимися глазами – все эти детали показывают естественность и одновременно искусность в мастерстве соблазнения, словно заложенном в крови юной очаровательницы – «послушной дочери» старого монгола. Многозначительная деталь фрагмента – промелькнувший в этот момент в сознании героя «старинный русский обряд расплетания девичьей косы перед свадьбой», что пугает его не на шутку. Здесь вполне подходит пушкинская реплика «калмыцкое кокетство испугало меня» с заменой «калмыцкое» на «монгольское». Вместе с тем кокетство Мюсень-гюрель – характерная черта степного гостеприимства, т.е. знак «любезности» к герою, контрастно отличающее ее поведение от поведения калмычки в пушкинском наброске, отмеченного стыдливостью и неприступностью.

В окончательном варианте «Путешествия в Арзрум» отсутствуют портретные черты калмычки, тогда как в эскизах к нему приведены отдельные детали, хотя они не столько подчеркивают ее индивидуальность, сколько воспроизводят клишированные черты женской красоты: багровые губки, жемчужные зубы, румяное лицо. Своеобразие этому образу придает лишь смуглость – эмблема азиатской внешности. Не случайно Пушкин убирает из текста своего произведения эти «общие места», оставив лишь то, что характеризует образ жизни калмыков как экзотический в восприятии русского путешественника. В рассказе Волкова, наоборот, образ юной монголки лишен трафаретных характеристик. В нем каждая деталь является говорящей. Уже первое вводное описание: «необычно красивая дикая девушка» – содержит элемент экзотики, в котором слышна перифраза пушкинской стихотворной метафоры «дикая краса». При этом развертывание метафоры разрушает ту клишированность, которую приобрел этот поэтический оборот в постромантический период. Автор искусно инкрустирует те же детали портрета, которые в дневниковой характеристике калмычки Пушкиным представлены жемчужными зубами, румяным лицом: «...у пылающей жаровни необыкновенно красивая дикая девушка в бусах и кольцах пила мелкими глотками водку из чашки и закусывала, хрустя на крепких белых зубах леденцами». С образом Цирцеи ее сближает завораживающее пение (Ср. у Гомера: «Там голосом звонко-приятным богиня / Пела ... гармонией всю наполняя окрестность» [Гомер, 1996, с. 532]). Кроме необычных горловых звуков и странного мотива, колдовской эффект вызывает сама манера исполнения Мюсень-гюрель: покачивание из стороны в сторону, полузакрытые глаза, исчезновение яркого румянца, его замена бледностью лица и черными тенями под глазами. Подогреваемое словами песни, такое исполнение словно сигнализировало герою о ее готовности «кричать и биться под его сильной рукой» (Ср. у Гомера: «Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком / Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем» [Там же, с. 535]). В результате создается яркий образ юной монголки – девушки, которую «нельзя так просто купить». В этом заключении героя вновь слышится пушкинский отголосок – именование калмычки «гордой красавицей».

Повествователи обоих произведений объединены позицией *путешественника по делам военной службы*. Поэтому, как и в «Путешествии в Арзрум» Пушкина, образ юной девы занимает героя волковского рассказа лишь на краткое время: на следующее утро он должен отправиться в путь, отмеченный в произведении признаками опасного похода, успех которого зависит от опыта проводника-монгола:

«Степной Ворон... заговорил по-русски, обращаясь ко мне. Его план был ясен и прост. Он брал с собой на Селенгу Далая, Дамдына и еще семь вооруженных, конных людей. Решил он идти тайгою, высылая в бурятские улусы по пути разведку, которая должна была изображать иногда охотников, иногда богомольцев, идущих на богомолье или возвращающихся с богомолья, в зависимости от расположения очередного бурятского дацана-монастыря» [Русские записки, 1937, с. 103].

Таким образом, рассказ «Степной Ворон» в жанровом отношении близок путевым заметкам. Возможно, когда-нибудь удастся провести его сравнение с версией, которая вошла в роман «Царство золотых будд». Но и в том варианте, что опубликован в журнале «Русские записки», можно обнаружить ряд межтекстовых пересечений, одному из которых посвящена данная работа, дополняющая исследовательский интерес к инациональной теме в русской литературе в аспекте культурного трансфера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Возрождение. – 1937. – 26 нояб.

Вольная Сибирь. – 1929. – № 5.

Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.

Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского / Гомер. – Москва: Терра, 1996. – 752 с.

Никитин, А. Хождение за три моря / А. Никитин. – Москва: Директ-Медия, 2014. – 55 с.

Новый исторический вестник. – 2001. – № 3(5).

Печерская, Т. И. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: учебное пособие / Т. И. Печерская, Е. К. Никанорова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – 161 с.

Проскурина, Е. Н. Литература восточной эмиграции в журнале «Русские записки»: К проблеме несостоявшегося диалога / Е. Н. Проскурина // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 116–129.

Проскурина, Е. Н. Борис Волков. Возвращение забытого имени / Е. Н. Проскурина // Филологический класс. – 2020. – № 4. – С. 60–69.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. Кн. 2 / А. С. Пушкин. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1940. – 621 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3 / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1977. – 495 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6 / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1978. – 574 с.

Русская поэзия Китая. Антология. – Москва: Время, 2001. – 720 с.

Русские записки. – 1937. – № 2.

Шапир, М. И. О неровности равного. Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка / М. И. Шапир // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – Москва: Наука, 2006. – С. 403–417.

Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. – Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University Stanford, CA, 94305–6010 (650). 723–3563.

REFERENCES:

Genneep, A. van. Obryady perekhoda. Sistematischeskoye izucheniye obryadov / Genneep, A. van. – Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. – 198 s.

Gomer. Iliada / Per. s drevnegrech. N. Gnedicha; Odisseya / Per. s drevnegrech. V. Zhukovskogo / Gomer. – Moskva: Terra, 1996. – 752 s.

Nikitin, A. Khozhdeniye za tri moray / A. Nikitin. – Moskva: Direkt-Mediya, 2014. – 55 s.

Novyy istoricheskiy vestnik. – 2001. – No 3(5).

Pecherskaya, T. I. Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury: uchebnoye posobiye / T. I. Pecherskaya, Ye. K. Nikanorova. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2010. – 161 s.

Proskurina, E. N. Literatura vostochnoy emigratsii v zhurnale «Russkiye zapiski»: K probleme nesostoyavshegosya dialoga / E. N. Proskurina // Siberian Philological Journal. – 2019. – No 4. – S. 116–129.

Proskurina, E. N. Boris Volkov. Vozvrashcheniye zabytogo imeni / E. N. Proskurina // Filologicheskiy klass. – 2020. – No. 4. – S. 60–69.

Pushkin, A. S. Polnoye sobraniye sochineniy: v 16 t. T. 8. Kn. 2 / A. S. Pushkin. – Moskva: Leningrad: AN USSR, 1940. – 622 s.

Pushkin, A. S. Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 3 / A. S. Pushkin. – Leningrad: Nauka, 1977. – 495 s.

Pushkin, A. S. Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 6 / A. S. Pushkin. – Leningrad: Nauka, 1978. – 574 s.

Russkaya poeziya Kitaya. – Moskva: Vremya, 2001. – 720 s.

Russkiye zapiski. – 1937. – No. 2.

Шапир, М. И. О неровности равного. Послание Пушкина “Калмычке” на фоне макроэволюции русского поэтического языка // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – Москва: Наука, 2006. – С. 403–417.

Vozrozhdeniye. – 1937. – November 26.

Vol'naya Sibir'. – 1929. – No. 5.

Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. – Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University Stanford, CA, 94305–6010 (650). 723–3563.